

12+

Читать МОЖНО

философская поэзия

Katerina Husser

Katerina Husser

**Читать можно.
Философская поэзия**

«Издательские решения»

Husser K.

Читать можно. Философская поэзия / К. Husser — «Издательские решения»,

Книга философской поэзии «Читать можно» — это сборник избранных произведений автора. Katerina Husser — поэт экзистенциально-метафизического типа, чья поэтика строится на исследовании предельных состояний любви, веры, знания и памяти в момент их возникновения, искажения и распада. Тексты не фиксируют эмоцию как данность, а разворачивают её как процесс, доводя переживание до той точки, где привычные формы смысла теряют устойчивость...

© Husser K.

© Издательские решения

Содержание

Пророк	6
Письмо	7
Случилась тишина	8
Это не лирика	9
Недосказанный	10
Маленький корабль	11
В наш век	12
Пропаций	13
Сказки	14
Философ	15
Заблудшие	16
Мельпомена	17
Гармония	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Читать можно Философская поэзия

Katerina Husser

© Katerina Husser, 2026

ISBN 978-5-0070-0792-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пророк

Поэт. Пророк. Не ровен час,
тебя при всех чтобы казнили...
тот призрачный маяк погас —
его молчаньем долго били —
стенают в шторме корабли,
даже Цирцею погубили,
но вновь мелькаешь ты вдали,
как бы забвеньем ни грозили...

Письмо

О, старый мастер,
ты всевластен
и пред тобою преклонюсь,
так злюсь,
ибо творец сегодня празден,
а я всё за мечтой гонюсь...
кто прав, устав,
нет, не отвечу,
к чему надломленный сюжет —
нежный рассвет
с печалью встречу
да будет он мною воспет:
муза капризна, многолика,
сможет купать в приятных снах
или оставить нас в грехах,
подогревая страх
среди крика,
как улику...
нет, не надёжна,
возможно,
от этих строк ты захмелев,
захочешь оттолкнуться...
как поздно —
не проснуться,
а может то
лишь блеф...
кто знает,
где ковчег блуждает
нового творца —
нет мудреца,
у алтаря мы философию венчаем,
ибо одно
вновь выдыхаем:
«извечным тайнам нет конца».

Случилась тишина

Случилась тишина...
то редко, но бывает —
сквозь дымку лёгкий свет,
вдруг слышен птичий свист:
он крутится, трещит,
все мысли извивая,
как будто тронул стих
и смысл его чист...

из дальнего окна
мне чудом виден Зевс —
на троне голубом
он восседает грузно,
в молочной пелене,
от видов обомлев,
среди той неги тусклой
он вовсе и не узник —

свисающей ноги
коснутся в изумруде
верхушки сочных гор,
щекочут вопреки
тому, что он лишь бог,
и эти полминуты
неловки, коротки...

на берегу титан —
прозрачные одежды,
слегка приют поник,
и всё же торопись:
шуми, мой океан,
сбывай мои надежды,
чтоб Каллиопа крик
в веках застывшим плыл...

Это не лирика

Как мрачен стих,
Тяжёл, угрюм,
Но только в нём есть вдохновенье.

Как тонок штрих,
Что глушит шум
И дарит мне каплю сомненья.

Как средь своих
Чужим хожу,
Так и рождаюсь в час прозренья.

Это не лирика,
Мой друг.
Это теней прикосновенья...

Недосказанный

Во мне столько недосказанного гибнет,
Что, может быть когда-нибудь охриплым
Голосом вдруг отзовёт в тебе.

Всё шатко, неуверенно и зыбко.
Точь-в-точь как Моны Лизы та улыбка,
Что маякнёт в болотной зелене.

Так жалко. Тут же радостно и тайно.
Вот, чёрт возьми, загадочно. Случайно.
Томится, словно мясо на плите.

А если честно? Задрожали связки,
И жидкость в теле стала слишком вязкой.
Всё оттого, что недосказанность во мне...

Маленький корабль

Ну здравствуй, маленький корабль,
Плывущий медленно в плену,
Озябший и местами дряблый,
Никто не ждёт тебя в порту.

И одинокий, и забитый,
Обманутый в счастливый час,
Теперь ты станешь ядовитым,
Да вот и твой маяк угас.

Бессмысленно освобожденье,
Оно покоя не несёт,
Не погрузит оно в забвенье,
Новой беды не отведёт.

Лучше ко дну пойти, но смело,
Чем есть с предательской руки,
Сейчас же в рабстве ты всецело,
И не лишить себя судьбы.

Смотрю, о маленький корабль,
Жалею. С вздохом прошепчу:
«Я тоже шёл и громко падал,
Но медленно не плыл в плену».

2015г

В наш век

В наш век
уж слишком много прозы,
то длинной, то короткой,
но, будто бы ковчег,
нас подбирают строфы,
среди серых картотек
и, быстрой перемоткой
минуя их занозы,
без меры сквозь невроты,
не ведая угрозы,
не прикрывая век,
ты чтишь любимый текст,
сплетённый рифмой... в плёсе
ковчег смешной уносит.
Зачем? Никто не спросит.
Все жаждут перемен...

Пропаций

Пропаций.
И адовое пламя
шептало на ухо тебе,
что кубок дребезжащий,
словно знамя,
получишь ты в этой борьбе.
К хвальбе
корячится остывшая та совесть,
и повесть
таки напишут,
ведь условность
важней,
чем истинный порыв.
Услышь,
пока ещё ты, уязвив,
смог говорить
с тем, кто ревнив,
но вскоре,
воедино всё сложив,
забыв,
что можешь быть брезглив,
каплей покажется
вдруг море,
и, в человечность дверь закрыв,
ты с упоением
насладишься ролью.
Уже сейчас я слышу сей мотив,
но истину не вытащить —
всегда труслив
нрав человеческий
и лжив.
Почти сошёл с ума.
От дна
уже не жаждет оттолкнуться,
дотянуться,
чтоб в эту каплю окунуться.
Ещё мгновение...
и с той же стороны
тебе пороки помогли споткнуться,
а мне останется лишь только ухмыльнуться
да калачом дома свернуться,
когда заступят и твои часы,
если заступят...
и вовсе ли твои...

Сказки

А в окне бликовал свет —
пробирал он меня до мурашек,
мне казалось, наш мир страшен —
места сказкам у нас нет,
под окном так рыдал дождь,
запрокидывал взгляд щурый,
мне казалось, там нет фигуры,
нет фигуры, что ты ждёшь,
за углом поджидал вор —
он тащил не мои надежды,
мне казалось, что он нездешний,
мне казалось то из-за штор,
а вдали всё туман стыл,
обволакивая вечность,
мне казалось, что путь млечный —
я прощения не просил.

Философ

Твердит всё глупая толпа
о всеобъемлющем единстве,
но растекается молва
в библейском истинном бесчинстве:
то кнут они скрестить хотят,
то все кнуты объединяют,
но, видишь ли, кнуты горят,
когда мир дерзкие меняют...
поэтому, средь стай идя,
держи главу, не опуская —
не в знак великого вождя,
а как философ упрекая.

Заблудшие

Мне знакомы заблудшие души —
я видела их глаза —
и кому же от этого лучше,
для кого их звучат голоса...
распадаются смыслы в звуках
отчуждённых, запретных мне,
распадается свет сквозь руки,
блики тают на полотне —
тени ждут — век уж ими полон,
как их только не назовут...
мне понятен их скользкий кокон,
они помнят истёртый кнут,
голос слышен, коль есть монеты,
когда в шторм корабли плывут,
а когда песни все допеты
и глаза из глазниц текут,
тогда рушатся парапеты
и свободен полёт вверх дном,
вдруг сбываются все приметы,
вдруг и явь заменяют сном...
обжигающий честь выстрел
сложил правды в остатке сухом —
след души на рубахе выцвел,
пошатнулся, но не упал дом.

Мельпомена

Какая ладная история,
что в жизни разом удалась,
потом сокрылась с моих глаз —
сплошная зыбь и бутафория...
Какая, к чёрту, аллегория!
Я Мельпомене отдалась!
Сто раз в истерике клялась
служить ей, а теперь раздвоена...
о, проиграла, и Виктория
с ней в одном вдохе здесь слилась,
в саду трагичном улеглась
и смотрит сквозь святые Тории,
мы на другие ходим стороны —
отрада к сердцу прижилась,
со счастьем в этот миг срослась
и мне чужими стали вороны.

Гармония

Гармония
засыпала у меня на ладонях,
но громом её разбудили,
ударом молнии,
грозою крестили
да рвали бездомную,
надломленную волокли,
над площадью

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.